

© 2014 г.

Александр Сидорович

доктор экономических наук, профессор
директор Казахстанского филиала МГУ
(e-mail: avsidorovich@rambler.ru)

О «ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ СИНТЕЗЕ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье рассматриваются особенности основных направлений экономической науки, их качественные особенности, а также их ограниченность при анализе экономики. Обоснована необходимость синтеза данных направлений с целью всестороннего исследования развития экономики. Исследованы основные формы и попытки синтеза данных направлений и показано, что «положительный синтез» направлений может быть осуществлен на уровне исследования экономических систем государств (национальных экономик).

Ключевые слова: экономическая теория, социально-экономическая теория, неоклассическая теория, институционализм, неинституционализм, положительный синтез, национальная экономика.

Некоторые исследователи приходят к выводу о кризисе современной экономической теории. Сегодня нередко обосновывается мысль, что исчезает общий предмет экономической теории и он сводится к предмету отдельных наук¹. Между тем в условиях современного исторического перелома общественного развития, когда процесс глобализации в сочетании со становлением постиндустриальной новой экономики, особенно остро стоит проблема системного теоретического осмысления происходящих в экономической жизни процессов. Особенно важен поиск способов целостной и объективной оценки развития экономики, несмотря на различия подходов к ней в различных направлениях науки.

¹ Йозеф А. Шумпетер более полувека назад писал: «границы большинства наук непрерывно сдвигались, и бесполезно определять их исходя из предмета и метода. В особенности это относится к экономической науке, не являющейся (в отличие от, например, акустики) строгой наукой, а скорее представляющей собой совокупность плохо упорядоченных и пересекающихся между собой областей знания (сродни медицине). Поэтому мы будем приводить определения экономической науки, данные другими авторами прежде всего для того, чтобы подчеркнуть их поразительную неадекватность, но сами не станем придерживаться ни одного из них». (Йозеф А. Шумпетер. История экономического анализа, Т 1, Санкт-Петербург, 2001. – С. 12)

Односторонность в науке вступает в прямое противоречие с фундаментальностью и является, на наш взгляд, характерной чертой современной экономической науки.¹ Особенно важен всесторонний взгляд для определения обоснованности экономической политики государств, корпораций и для выработки мировым научным сообществом общих подходов к развитию. В книге «Размышления о капитализме» Янош Корнаи высказал идею о «позитивном синтезе» в экономической науке, когда «люди с несхожими, даже противоположными установками могут достичь консенсуса в понимании реальности».² Эту правильно поставленную задачу нельзя решить методом экспертных оценок. Для достижения такой цели необходимо выработать принципы синтеза и выявить качественные особенности различий между основными направлениями экономической науки.

Структура современной экономической теории как предпосылка для «положительного синтеза». Наука призвана служить поиску истины. Независимо от методологических подходов, применяемого инструментария, научной области, выводы и обобщения науки, в конечном счете, материализуются в системной форме. Научные системы позволяют не только понять закономерности развития объекта исследований, но и определить содержание отдельных категорий, понятий в данной системе. По своей природе подлинная наука всегда стремится к объективности. Экономическая наука не исключение. Ее основная задача – исследуя мир экономических явлений и процессов, отразить его в систематической форме (в истории экономической теории это получило название «системы категорий и законов политической экономии»), а также выявить закономерности изменения экономики. Научные системы коренным образом отличаются друг от друга по своим основам и понятийному аппарату. В экономике понятийный аппарат политической экономии, теория рационального выбора и институциональной экономики существенно расходятся даже при анализе привычных любому экономисту категорий.

Определение границ научных направлений – не простая задача. Во-первых, из-за терминологических определений. Под термином «политическая экономия» скрывались различные направления науки – от меркантилизма, марксовой политэкономии до «экономикс» и «новой полити-

¹ Подробнее см.: Национальная экономика России и вызовы XXI века. – М.: Профиздат, 2009. – С. 10.

² Янош Корнаи. Размышления о капитализме. Москва – Санкт-Петербург: Издательство Института Гайдара, 2012. – С. 227.

ческой экономии».¹ Во-вторых, из-за неточностей в переводе на русский язык названия ряда работ по экономической теории (первоначальные переводы работы А. Маршалла «Принципы экономической науки»). Имеются и другие причины: соперничество научных школ, традиции национальных школ экономики и т.д.

Политическая экономия прошла сложный путь развития и до сих пор существуют существенные различия в понимании предмета данной науки. Если оставить в стороне политизированные подходы в духе курсов политической экономии советского времени и утверждения о необходимости ее сохранения в современных условиях, следует признать, на наш взгляд, что политическая экономия сохраняет свое значение как особое и даже возрастающее по своей значимости направление социально-экономической мысли. Это связано с **основным критерием выделения данной науки – анализом отношений людей в экономической деятельности в процессе экономической деятельности.**

В ряде работ существует ограниченное представление о политической экономии. В частности, считается, что она тесно связана с судьбой рыночной экономики. Такой взгляд обосновывался и воспроизводился в начальный период социалистического строительства в работах, рассматривавших социализм как нерыночное хозяйство, в котором рыночные отношения отомрут. Н. Бухарин писал: «Конец капиталистически-товарного общества будет и концом и политической экономии».² Разделяя в принципе эти взгляды, М. Воейков пишет: «Хочу поддержать тезис А.А. Пороховского, что при рабовладении и феодализме «общественный продукт формировался на уровне домохозяйств, а не общенационального. Поэтому не было и объекта для политэкономии». Действительно, предмет политической экономии появляется тогда, когда городской или деревенский рынок становится общенациональным. Политэкономия изучает рыночное хозяйство».³

¹ Термин «экономикс», введенный в оборот Маклеодом и Маршаллами, получил одобрительную оценку во втором издании «Теории политической экономии» Дживонса (Jevons, 1879, p. 14) благодаря своему благозвучию и наукообразию (поскольку он [в англоязычном написании – economics] аналогичен «математике», «этике» и «эстетике» [соответственно mathematics, ethics and aesthetics]; последняя из опубликованных Дживонсом работ называлась «Principles of Economics» («Принципы экономической науки»). Хотя Кэннан (Cannon, 1929, p. 44) утверждал, что А. Маршалл (изданием «Принципов экономической науки» в 1890 г.) положил начало широкому изданию книги; полная замена терминов завершилась не раньше начала 1920-х годов (Groenewegen, 1985).

² Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Экономика. 1990. – С. 82–83.

³ Воейков М.И. Политическая экономия как самосознание буржуазного общества. // Горизонты экономики. 2012. № 2. С. 38.

Сведение исторических границ политэкономии к рыночному общенациональному хозяйству, на первый взгляд, привлекательно и дает аргументы для такой позиции в связи с тем, что только рыночно-капиталистическая система создала развитую систему всеобщей зависимости друг от друга субъектов экономики, а рабовладельческое и феодальное хозяйства были по сути натуральными. Однако, незрелость отношений не является ни логическим, ни фактическим аргументом против их наличия. Переплетение товарно-денежных отношений и отношений натурального типа составляла историческую особенность докапиталистических систем, которые представляли собой специфические системы отношений. В современной экономике роль рыночных отношений значительно усложняется. Тем самым экономические отношения как объект изучения политической экономии приобретают новую историческую форму. В условиях же советского периода дискуссия о «политической экономии в широком смысле слова», «социалистической политэкономии» фактически оспаривала положение о жесткой увязке судьбы рыночной экономики и политической экономии.

Такое, на первый взгляд, исторически расширительное толкование предмета политэкономии на самом деле четко определяет ее границы: независимо от формы и типа общественного хозяйства предметом политической экономии являются общественно-экономические отношения субъектов экономики по созданию и использованию благ. Это не означает, что классификация научных экономических систем может быть построена только по формационному критерию. В сферу политэкономического анализа должны включаться национальные экономики, глобальные процессы, а также отдельные отношения между субъектами экономических систем. Политическая экономия в этом смысле обладает огромным конструктивным и аналитическим потенциалом, так как только она рассматривает экономику через призму взаимодействия субъектов экономики, в отличие от любого другого направления экономической теории.

Важно подчеркнуть, что идея производственных отношений не связывалась классиками только с рыночным капиталистическим хозяйством. В работе «К критике политической экономии» К. Маркс специально говорил о «производственных отношениях всех отживших общественных форм». Однако только применительно к развитому буржуазному обществу система производственных отношений приобрела новое качество всеобщности рыночных отношений, связанное с формированием капиталистических отношений. Сказанное не означает, что системы экономических отношений, например, отдельных государств (национальные экономические системы) не обладают свойством всеобщности. Экономические отношения охватывают

всю страну на всех уровнях экономики, представляя переплетение разнотипных укладов, экономических отношений и экономических институтов.

Развитие экономики и общества во второй половине XX века и начале XXI носит иной характер. Ясно определились основные направления изменений, которые оказывают прямое влияние на экономику как особую сферу общества и, следовательно, ставят вопрос об уточнении предмета политической экономии и ее судьбе в мире общества знаний и инноваций. Информационное общество стало реальностью и позволило ясно обнаружить постиндустриальным технологическим основам новой экономики, включая изменение отношений людей в процессе экономической деятельности. Этот новый этап развития человечества уже наступил и требует от экономической науки окончательно встать на позицию, что информация является не просто одним из факторов принятия решений или одним из компонентов, отражающих роль технического прогресса в моделях экономического роста. Вопрос значительно глубже. Информационное общество ведет к изменению содержания производительной деятельности. Окончательно ушло в историю представление о производительной деятельности индустриальной эпохи, когда деятельность за пределами материального производства рассматривалась как непроизводительная. Информационная составляющая меняет само понятие средств производства. Средствами создания благ становятся все факторы этого процесса независимо от формы в их единстве, связанном единым информационным полем, пронизывающим технологии, человеческий капитал и управление экономическими процессами. Меняется понятие эффективности экономической деятельности.

Попытки вписать данный процесс в трудовую теорию стоимости наталкиваются на антиномию: человек, с одной стороны, – создатель всех благ, а с другой стороны, в экономике знаний он становится рядом с самим этим процессом, участвуя в нем опосредованно. **Информационно-постиндустриальная революция требует новой методологии исследования и поиска нового соотношения индивидуальной, коллективной и общественной деятельности в едином процессе создания благ.** Массовая индивидуализация деятельности, изменение роли «домашнего хозяйства» в условиях информационного общества – проявления нового структурного синтеза человеческой деятельности, где отношения личности и государства существенно видоизменяются. Экономические отношения приобретают, следовательно, более сложную структуру, требуют многомерного подхода и синтеза этих подходов.

В новой системе отношений XXI века переплетение и взаимосвязь субъектов экономики приобретает новое качество, благодаря, во-первых, смешанной экономической системе, и, во-вторых, новой структуре совокупной эконо-

мической деятельности, в которой роль материального производства не просто значительно изменяется. Именно нематериальные формы деятельности приобретают новое свойство творческой причины возрастания богатства. Отсюда расширение сферы экономических отношений, формирование целой системы новых категорий, описывающих эти отношения: человеческий капитал, интеллектуальный капитал, социальный и так далее. Однако, на наш взгляд, переход в новое состояние экономики не только не ведет к исчезновению предмета политической экономии, а наоборот, открывает перед наукой новые возможности. С этим новым этапом развития связано значительное возрастание интереса взаимосвязи экономической теории с другими областями социального знания: философии, социологии, психологии, политологии и т.д.

В XXI веке, следовательно, все более явно подтверждается природа политической экономии как социально-экономической теории. Можно сказать, *что политическая экономия – это и есть социально-экономическая теория*. Это свойство политической экономии придает особый характер ее объективности.

Принцип объективности в экономической теории имеет основополагающее значение, и он подвергается с содержательной стороны постоянным атакам в силу того, что в экономике действуют люди, наделенные сознанием, волей, особыми психологическими свойствами личности и экономическими интересами. «В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души – фурий частного интереса», – писал К. Маркс. Если отвлечься от особенностей действия данных факторов на том или ином этапе развития, то следует признать, что *система ценностей, присущая данному обществу, типу цивилизации, – столь же объективный фактор деятельности людей в качестве субъектов экономических отношений, как и вещественные условия деятельности*. Такое более широкое понимание условий экономической деятельности в отличие от собственно экономических условий возможно только лишь на высоком уровне обобщений, когда анализируется не поведение отдельных людей, а развитие экономической системы в целом. Эту сторону удачно отметил Макс Вебер, который в статье «Объективность и понимание в экономике» фактически проводил идею о необходимости включения в объективный анализ ценностей культурного типа, которые складываются в обществе. Еще одним историческим примером введения в экономическую теорию ценностей, связанных с особенностями социальных систем развивающихся стран, является подход Г. Мюрда-

ля, который отмечал, что «исходные суждения ценностей должны вводиться открыто. При решении практически любой экономической проблемы объектом научного исследования должна быть вся социальная система, включая помимо так называемых экономических факторов все, что может оказать влияние на будущие события в экономической сфере». В современной истории экономической теории взаимосвязь исследования объективных и социальных процессов получает многократное подтверждение в эволюции институционализма, развитии поведенческой теории, в стремлении более глубоко определить взаимосвязь экономической науки и психологии, экономики и социологии, экономики и политики.

Таким образом, логика развития экономической науки такова, что объективность экономического знания все в большей степени связывается с социально-экономическим анализом процессов, а попытки представить экономический анализ изолированным от этого отвергаются самой жизнью. Политическая экономия внутренне, по своему подходу к анализу экономики, ориентирована на более широкий социальный подход, чем ограниченная экономическая рациональность.

В контексте сказанного показательна позиция монетаристов при анализе объективности экономической теории. Милтон Фридман в работе «Методология позитивной экономической науки» показывает, что поиск критериев объективности науки приводит его к фактическому отрицанию социально-экономического подхода. С одной стороны, он отмечает, что «экономическая наука имеет дело с взаимоотношениями между людьми, а исследователь сам является частью исследуемого объекта в гораздо большей степени, чем в физических науках, что создает особые трудности в достижении объективности».¹ Однако право быть объективной наукой М. Фридман при этом связывает только с позитивной экономической наукой, которая не обладает «фундаментальными различиями от физических явлений».

Политическая экономия как социально-экономическое учение обладает еще одной качественной особенностью – ей имманентно свойственен воспроизводственный подход. Данное положение, развиваемое нами в «Курсе экономической теории», начиная с первого издания, носит принципиальный характер для понимания смысла политэкономического подхода и природы экономической теории.² Лишь в процессе возобновления деятель-

¹ Философия экономики. Антология. – М.: Изд. Института Гайдара. 2012. – С. 179.

² «Экономические отношения выступают как отношения по поводу воспроизводства, распределения, обмена и потребления благ. На каждой стадии единого процесса воспроизводства они получают разные формы, а в отношения вовлекаются все новые и новые субъекты». Курс экономической теории М.: ДИС. 1997. – С. 55.

ности, ее повторяемости можно выявить закономерности и тенденции процессов. Лишь в воспроизводстве обособляются и приобретают устойчивые формы затрат и результатов экономической деятельности. Строго говоря, все экономические отношения и вся человеческая деятельность носят воспроизводственный характер. Выделение единства производства, распределения, обмена и потребления как процесса воспроизводства не является заслугой марксистской политической экономии. Последняя лишь соединила анализ воспроизводства с анализом воспроизводства капиталистических отношений и представила этот анализ в форме теории накопления капитала, анализа индивидуального и общественного воспроизводства. Таким образом, предметом политической экономии являются системы экономических отношений по созданию, распределению, обмену и потреблению (воспроизводству) благ в обществе.

Разделяя воспроизводственный подход к предмету политэкономии, В. Рязанов отмечает, что такой подход составляет часть «политэкономической традиции» и может служить базой для более широкого определения предмета политической экономии как науки. По его мнению, «предметом современной политической экономии выступают конкретно-исторический тип экономических отношений между хозяйствующими субъектами, которые возникают в процессе производства, обмена, распределения и потребления товаров (услуг) и реализуются в хозяйственной практике посредством формальных правил».¹

Несмотря на ряд моментов, с которыми можно полемизировать при анализе данного определения (включение в предмет политэкономии форм организаций в виде институтов, жесткая привязка предмета науки к анализу типов отношений) данное определение подчеркивает, что предмет политической экономии неразрывно связан с анализом воспроизводства социально-экономических отношений, что определяет коренную специфику политэкономического подхода.

Следует отметить, что понимание предмета политической экономии как экономические отношения приобретает все более широкое признание. Как показывают последние обсуждения и форумы, эта позиция получает поддержку большинства среди исследователей-политэкономов.² Как справедливо отмечает А. Пороховский, «производственные отношения называют еще и экономическими отношениями, которые и являются предметом

¹ Рязанов В.Т. Политическая экономия: из прошлого в будущее. // Горизонты экономики. 2012. № 2. С. 90.

² См. материалы Политэкономического Конгресса, который состоялся на базе Института экономики РАН (Журнал «Горизонты экономики». 2012. № 2).

политической экономии. Понятие «экономические отношения» дает более общее представление о предмете, сохраняя его суть – отношения между людьми в связи с их взаимодействием с окружающей средой».¹

Однако сведение экономической теории к политической экономии неправомерно и исторически, и содержательно. В XIX веке произошло важнейшее событие в развитии экономической теории – выделилось и сформировалось качественно новое, неоклассическое направление, которое в настоящее время признается «мейнстримом» современной экономической науки.

Неоклассическое направление экономической теории возникло не случайно. Оно возникло, во-первых, как результат противоречий в капиталистической системе XIX века. «Экономикс» сознательно уходит от противоречий между классами и социальными группами и содержательно сводит основную проблему к экономическому рациональному выбору асоциальных субъектов. Во-вторых, во второй половине XIX в. ясно выделился круг проблем экономической науки, который не сводим к анализу социально-экономических производственных отношений. В силу этого ясно выявилась необходимость формирования такого направления экономической теории, которое ориентировано на решение практических проблем развития рыночно-капиталистических отношений, исследование поведения субъектов рыночных отношений и т.д.

Принципиальный характер отличия экономической системы неоклассики от экономической системы политической экономии заключен в самом исходном пункте – не общественно-экономические отношения людей, а принцип индивидуализма в условиях экономического выбора – основа неоклассики. Эту противоположность ярко выразил представитель австрийской школы Людвиг фон Мизес. Признавая то, что реальный человек всегда является членом общественного целого, не оспаривая значимости «коллективных целостностей», он однозначно и со всей определенностью стоит на позициях принципа методологического индивидуализма и отмечает: «Наличие наций, государств и вероисповеданий, общественного сотрудничества при разделении труда различимо только в деятельности конкретных индивидов. Еще никто не познал нацию, не позвав входящих в нее индивидов. В этом смысле можно сказать, что общественные коллективы возникают через деятельность индивидов. Но это не означает, что индивиды предшествуют им во времени. Просто коллектив образует определенные действия индивидов».²

¹ Пороховский А.А. Политическая экономия – основа и стержень развития экономической теории. // Горизонты экономики. 2012. № 2. С. 76.

² Людвиг фон Мизес. Человеческая деятельность. / Трактат по экономической теории. М.: Экономика. 2000. – С. 18.

По мнению последовательных сторонников теории рационального выбора, мнение, что экономика – это система общественных связей и действий людей, – это недостаток экономики, по сравнению с естественными науками.¹ Даже сторонники социальной неинституциональной теории в лице видного представителя этой теории Д. Ходжсона вынуждены определить позицию неоклассиков как «ультрасубъективизм». «Главная причина здесь в том, – подчеркивает Д. Ходжсон, – что ортодоксальная экономическая теория неразрывно связана с классической либеральной идеологией, в соответствии с которой индивид является независимой и фундаментальной единицей». Таким образом, политическая экономия и теория рационального использования ресурсов – это две особые научные системы в рамках экономической теории, которые отличны по методологическим принципам, по методам и инструментам, а также по понятийному аппарату. Следовательно, рассматривать «экономикс» как разновидность политической экономии, ошибочно и неправомерно.

Следует признать, что данные направления экономической науки, имея различный предмет, по-своему исследуют экономическую жизнь и выполняют свои функции в теоретическом осмыслении современной экономики. При этом и политическая экономия, и «экономикс» по-своему рассматривают реальные хозяйственные процессы, и, следовательно, их разграничение по критерию анализа сущности экономики и хозяйственной практики является не точным.

Здесь следует вспомнить ту критику абстракции «совершенная конкуренция», которая обрушилась на нее в истории экономической науки и в современной литературе. Экономическая теория всегда сталкивалась с критикой подобного рода в связи с тем, что научные абстракции отражают конкретное односторонне. Для критиков, систематически и глубоко не изучавших теорию, категории, в которых отражается сущность экономических процессов, всегда представляют некий фантом, хотя научные категории являются абстракциями реальности. Таким нападениям в истории политической экономии подвергалась категория стоимости (известны попытки заменить данную категорию понятием «ценности»), а совершенную конкуренцию отбросить как несуществующую абстракцию. Систематическая критика категории «рациональный выбор» зачастую принимает формы полного отрицания данной абстракции, что далеко не правомерно.

Формой разрешения противоречия между политико-экономическим и неоклассическим анализом экономики явилось становление и развитие *институционального направления*. Бурное развитие неинституциональ-

¹ Харвей Дж. Современная экономическая теория. – М.: ЮНИТИ. 2003. – С. 23.

ного направления в XX веке привело к пересмотру принципа полной рациональности выбора и косвенному признанию необходимости единства экономических и более широких социальных подходов.

Полемика между старым и новым институционализмом в значительной степени отражает противоречие между социально-экономической теорией и неоклассикой как особыми системами экономической теории.¹ Отличие между старым и новым институционализмом с позиции старого институционализма определено Дж. Ходжсоном в работе «В чем сущность институциональной экономики?» следующим образом: «Представление о том, что единственное стремление индивидуальных агентов заключается в максимизации полезности, является неадекватным или ошибочным. Институционализм не рассматривает индивидов как некую данность. На индивидов влияет институциональная и культурная ситуация, в которой они находятся. Таким образом, индивиды не просто (преднамеренно или непреднамеренно) создают институты. Посредством «преобразованной нисходящей причинно-следственной связи» институты оказывают фундаментальное влияние на индивидов».² Последовательные представители неoinституциональной теории связывают ее природу с неоклассикой и принципом индивидуализма.³

Однако ряд видных представителей институциональной теории видит основу для положительного синтеза в потенциале данного направления. Д. Ходжсон, выражая надежду на более глубокий анализ экономической реальности институционализмом, именно в этом видит будущее для всей экономической науки. Он отмечает, что отказ от крайностей неоклассики и неoinституционализма имел бы огромное научное значение. «Это означало бы расширение возможностей институционализма с точки зрения исследования проблем структурных изменений и экономического развития. Новый импульс получил бы научные изыскания в таких областях, как долгосрочное экономическое развитие, проблемы слаборазвитых экономик или процесс трансформации в странах бывшего советского блока. С другой стороны, это повлекло бы за собой необходимость применения более сложных аналитических методов и приемов формального моделирования».⁴ Однако, к сожалению, современные интерпретации неoinституционализма все более отдаляются от анализа социально-экономических отношений и

¹ Московский А. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики. // Вопросы экономики. 2009. № 3.

² Философия экономики. Антология – М.: Изд. Института Гайдара. 2012. – С. 382–383.

³ Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. 4-е изд. М.: ТЕИС. 2010.

⁴ Философия экономики. Антология. Цит. соч. С. 397.

уходят в область технологий институционализма. Однако в целом, историческая заслуга институционализма состоит в том, что его возникновение и развитие положило конец мифу о «мейнстриме» как единственно верном учении в рамках самой неоклассической парадигмы. При этом в отличие от старого новый институционализм подтверждает, что логика его эволюции продолжает основную традицию неоклассики.

Таким образом, основная структура современной экономической теории такова, что ее основные направления неизбежно по-разному характеризуют экономику. Образуется явное противоречие. Характеризуя экономику как объект анализа, данные направления не сводимы друг к другу на уровне системного подхода. Поиск выхода из этого противоречия – важная задача науки и каждого ее направления в отдельности.

«Положительный синтез» в новой экономике XXI века. Идея синтеза различных направлений экономической науки в настоящее время является объектом дискуссий. Существует мнение о том, что в рамках одного подхода можно объединить различные направления, исходя из единства объекта и предмета науки и содержательного ранжирования направлений между собой. Это выражается, например, в том, что «экономикс», или теория рационального использования ограниченных ресурсов, рассматривается как особая разновидность политической экономии. «Вот уже около полутора веков реально существуют, – пишет А. Любинин, – две политэкономии: «западная» (буржуазная), основу которой составляет направление, названное неоклассическим, и марксистская, аутентично представленная «Капиталом» К. Маркса. При этом марксистская политэкономия считает неоклассику политэкономией вульгарной, неоклассика отрицает состоятельность марксистской экономической теории; каждая из них относится к другой как к предмету критики».¹ С точки зрения данного подхода, «выделение «экономикс» означало, что политэкономия перестала быть классической и превратилась в неоклассическую, когда перестала предметно ориентироваться на объективно протекающие в историческом времени процессы и замкнулась на проблеме рационального выбора тех или иных хозяйственных решений».² С этой позицией смыкается взгляд, согласно которому «экономикс» относится к области вульгарной политической экономии, которая анализирует поверхностные формы рыночно-капиталистической системы и, тем самым, дает искаженное представление о ее истинной природе. Данный взгляд исторически в советский период развития отече-

¹ Любинин А. Две политэкономии: социально-экономического развития и процессов хозяйствования. // Российский экономический журнал. 2012. № 1. С. 86.

² Там же. С 100.

ственной науки опирался на официальную концепцию марксистского подхода к анализу системы производственных отношений капитализма, а также на теорию приращенных форм, изложенную в «Капитале» К. Маркса. Основываясь на таком подходе, А. Бузгалин и А. Колганов пишут: «Лежащие в основе «Экономикс» политико-экономические разработки выражают мнимое (но не случайное, а объективно порождаемое миром отчуждения и соответствующее интересам и жизнедеятельности господствующих сил данного общества) содержание этой экономики».¹

Отражением такого подхода является, во-первых, включение в курсы построенных на базе мейнстрима элементов анализа российской экономики, несмотря на различия национальных экономик развитых рыночных стран и России. Например, при рассмотрении деятельности банковской системы в рыночной экономике в курсе макроэкономики в качестве примера исследуется деятельность Центрального банка России и иных банков. Нетрудно заметить, что такой подход не является синтетическим. Его результат неизбежно вводит в заблуждение, так как российские банки, особенно на начальном этапе, действовали в нерыночной среде. Во-вторых, прямое включение в курсы микро- и макроэкономики глав из марксистской политической экономики и наоборот – включение в традиционные курсы фрагментов по микро- и макроэкономике. Такой формальный синтез с методической точки зрения ведет к смешению различных системных подходов к экономике и, конечно, не может быть основой для разработки новой теории.

На наш взгляд, более плодотворным выглядит подход с позиции коренных изменений в самой экономике и выделение сфер, в которых данный синтез является конструктивным и необходимым. Особенностью социально-гуманитарных и социально-экономических исследований в конце XX – начале XXI века является все более тесная связь экономики и других социальных наук. Общеизвестно, что понять и смоделировать процессы в экономике в настоящее время невозможно без учета политических, психологических, социальных факторов. И наоборот, экономика проникает все более широко и глубоко в теоретические исследования и практические методы в других областях: политологии, социологии, психологии и др. Итогом этих процессов стало укрепление и развитие «новой политической экономики» в различных вариантах и направлениях.

С точки зрения предмета нашего исследования обращает на себя внимание то, что объективной основой для развития этого направления служит становление постиндустриализма и осуществление «новой индустри-

¹ Бузгалин А.В. и Колганов А.И. Открытость политэкономии и империализм «мейнстрима»: «Экономикс» как прошлое. // Горизонты экономики. 2012. № 2. С. 9.

ализации». В результате формируется база для нового синтеза различных направлений экономической теории, которые в XIX и XX веках были разделены, и, как показано ранее, коренным образом различается по исходному пункту и содержанию систем. *В новой экономике XXI века фактически исчезает, как отмечалось ранее, резкая противоположность индивидуума и государства и на передний план выходят с более широким использованием постиндустриальных технологий социально-гуманитарные факторы, развитие человека, формы коммуникации.* Возникают новые концепции, которые претендуют на роль синтетических.

По мнению Л. Бляхмена, неоклассическая теория соответствовала эпохе индустриального капитализма, и именно она закрепила принцип рыночного индивидуализма. Новой индустриализации соответствует «новая политическая экономия», которая как «междисциплинарная экономическая наука, которая считает экономику не автономной и самодостаточной, а лишь подсистемой общества, использует не только экономические, но и социологические, политологические, психологические, правовые методы исследования (не только для субъективного) поведения участников экономических отношений».¹ Согласно данному подходу, новая политэкономия соединяет все выводы и идеи Маркса, Кейнса, Шумпетера, неолибералов и институционалистов и т.д., создавая, таким образом, новое направление теории.² Данный подход тесно смыкается с признанием особой роли социокультурных факторов в развитии современной экономики.³ Следовательно, такой подход пронизывает социально-экономическую теорию (политэкономия), институциональное направление и современные версии неоклассики.

Другое направление поиска нового синтеза в центре внимания ставит проблему соотношения государства и личности в контексте экономики XXI века и выдвигает ее в качестве сквозной и ключевой общей проблемы, на базе которой интегрируются подходы различных школ и направлений в оценке экономической динамики. Данное направление представлено в работах Р. Гринберга и А. Рубинштейна по экономической социодинамике.⁴ Эта концепция связана с «заменой постулата всеобщности методологического индивидуализма на принцип комплементарности

¹ Бляхмен Л. С. Новая индустриализация: сущность, политико-экономические предпосылки и сопровождение // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4(48). – С. 9.

² Там же.

³ Аузан А., Келимбетов К. Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики, 2012 – № 5. – С. 37–44.

⁴ Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум и государство. Экономическая дилемма. М.: Издательство «Весь мир». 2013.

(взаимодополняемости) индивидуальных предпочтений и социальных интересов... Ее исходное положение – постулат социальной полезности, постулат социальной ответственности и постулат социального иммунитета... Признание самого факта существования автономных интересов общества как такового – это ключевое положение экономической социодинамики». ¹ По мнению авторов, дополнение индивидуальных интересов общественными не предусматривают их иерархию.

Выделение в качестве основы для нового синтеза проблемы «человек-общество» обосновывается в некоторых работах тем, что онтологическая двойственная природа человека «генерирует в нем не только индивидуальные, но и общественные интересы». ² Благодаря этому, по мнению автора, такой подход дает возможность преодолеть «генетические» ограничения мейнстрима и соединить подходы со стороны общества, индивидуума и государства, индивидуальных и коллективных интересов в целостную систему. Общее, что объединяет эти два подхода, состоит в том, что поиск ответа на вопрос о «положительном синтезе» видится в создании новой теории, которая более широко смотрит на экономическую действительность и преодолевает методологическую противоположность систем, которые соотносятся по принципу «или-или». Действительно, методология индивидуализма и методология примата общественного подхода, на первый взгляд, противоположны. Однако в реальности они взаимообуславливают друг друга. В этой связи попытка сформулировать некую новую парадигму, которая объединяет эти подходы, следует приветствовать. Однако преодолевает ли противоположность разных систем концепция социодинамики? На наш взгляд, с положительным ответом на данный вопрос трудно согласиться. Как отмечают сами авторы, концепция социодинамики является концепцией социального либерализма. ³ Справедливо отвергая принципы индивидуалистической методологии, она снимает противоречия индивидуального и общественного подходов на уровне нового, если можно назвать, индивидуального социального институционализма.

Новая политическая экономия также видит способ развития современной теории во всесторонней экспансии экономической науки в другие сферы и обратного воздействия этих сфер на экономическую теорию. Благоприятные условия для этого созданы новыми возможностями информационных технологий, резким расширением экспериментальной базы соци-

¹ Там же. С. 425.

² Князев Ю. О современном понимании основ экономической теории // Общество им экономика, – 2013 – № 7–8. – С. 137.

³ Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Цит. соч.

ально-экономических исследований. Экспериментальная экономика стала реальностью и самостоятельной базой для нового исследования в экономической теории. Наиболее последовательно потенциал новой политической экономии проявляет себя в политологии. Использование допущений теории рационального выбора и экономических методов с использованием математического моделирования получило широкое распространение в практике политической деятельности. Однако, формирование данного направления на базе теории общественного выбора и его развития в экономической теории демократии, конституционной политической экономии и других программ, школ в конечном счете не выходят за пределы мейнстрима. Как справедливо отмечает А. Либман, «сегодня новая политэкономия полностью «интегрирована» в ее мейнстрим; более того, входит в число ведущих направлений исследования».¹ В этом выводе дается ясный ответ на ограниченность данного подхода с точки зрения синтеза различных направлений. При этом следует учесть, что в эволюции новой политической экономии происходит воспроизведение двух направлений институционализма – старого и нового в форме развития неоортодоксальных школ, в частности эволюционной теории экономической политики, и «технологического» подхода, свойственного новому институционализму. Включение в исследование новой политической экономии фактора культуры, поиска предпочтений не только на основе эмпирических исследований, но и оценке ценностных факторов, это попытка синтеза на основе и в пределах институциональной теории, что является еще одним доказательством необходимости сочетания социального и экономического подходов в анализе развития экономики.

Содержательная попытка рассмотреть различные направления экономической теории, как направление единой науки с общим предметом, нами была реализована в «Курсе экономической теории», исходя из того, что экономические отношения являются общим объектом исследований всех направлений экономической теории. В этом случае «среди экономических отношений выделяют, во-первых, отношения людей в процессе рационального использования ограниченных ресурсов общества, и, во-вторых, экономические отношения в связи с производством, распределением и потреблением благ в обществе, определяющие экономическую структуру (строй) национальной экономики. В связи с тем, что деятельность людей в экономике осуществляется в рамках институтов (установленных обществом норм, правил), экономические отношения также следует рассматривать в связи с

¹ Либман А. Направления и перспективы развития политико-экономических исследований // Вопросы экономики, – 2008 – № 1. – С. 28.

формированием данных институтов общества».¹ Однако данный подход, на наш взгляд, в настоящее время требует уточнения. Как отмечено выше, политическая экономия и мейнстрим имеют различные основы, а теория рационального выбора в качестве предмета не имеет экономических отношений.

Таким образом, необходимо признать, что **«положительный синтез» на системном уровне в принципе вряд ли возможен.** Однако это не означает невозможность «положительного синтеза» в особых сферах и областях экономики, что позволяет и даже требует перевести анализ экономики с одномерного, по крайней мере, в трехмерное пространство. Это создает условия для более реалистичного и всестороннего анализа всех экономических явлений: эффективности, показателей результатов и издержек, собственности, коррупции, роли государства и т.д., а также экономической системы в целом. **В качестве общей сферы «положительного экономического синтеза» выступает экономическая система государства** («национальная экономическая система», «национальная экономика»).

Государство независимо от формы правления и организации политической системы с экономической точки зрения представляет собой сложную систему в единстве содержания, форм движения источников воспроизводства, регионального построения и других сторон экономической жизни общества. Другими словами, национальная экономика представляет собой, во-первых, сочетание различных форм хозяйствования, экономических хозяйственных укладов и, следовательно, типов экономических систем. Во-вторых, экономическая система государства, учитывая то, что она всегда пространственно ограничена, несет на себе особенности, связанные с естественно-географическими и историческими, геополитическими факторами. В-третьих, национальная экономика является продуктом и сама воспроизводит неформальные правила, традиции и нормы (неформальные институты), которые являются продуктом цивилизационных основ общества и истории развития государства. В-четвертых, особенности политической организации общества накладывают существенный отпечаток на построение формальных институтов и организаций, что непосредственно влияет на поведение субъектов в политике и, следовательно, принципы ее реализации.

Таким образом, теоретическое осмысление процессов, происходящих в экономике страны, по определению не может быть одномерным. Оно должно учитывать реальность объекта – экономики конкретной страны. **Логика анализа национальной экономики как особой экономи-**

¹ Курс экономической теории: Общие основы экономической теории. Микроэкономика. Макроэкономика. Основы национальной экономики: учеб. пособие для студентов вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство «Дело и Сервис», 2007. – С. 26.

ческой системы страны должна быть подчинена задаче соединения выводов трех направлений экономической теории для выработки реалистических конкретных экономических решений на базе ответа на три принципиальных вопроса:

1. Что собой представляет экономическая система, которая воспроизводится в данной стране? Другими словами, к какому типу современных экономических систем принадлежит экономика данной страны. В данной части неизбежно следует ответ на вопрос о формах координации в экономике; типе технологического развития (индустриальной, постиндустриальной); характере распределения факторов производства; этапе развития данной системы и факторах ее общественного воспроизводства.
2. Каковы особенности взаимосвязи элементов системы, вызванные цивилизационными, естественно-природными, историческими, социокультурными факторами развития? Решение данной проблемы позволяет сформулировать вывод о типе национальной экономической модели, ее соотношении с другими национальными моделями.
3. Каковы особенности структуры институтов данной страны с учетом формальных и неформальных правил и т.д.? Ответ на данные вопросы тесно связан с выводами институциональной теории, которая, безусловно, может служить конструктивному ответу на вопросы о национальной экономической системе.

Лишь ответив на данные вопросы можно предпринять действия практического порядка, которые дадут возможность экономике использовать свой потенциал и добиться экономического прогресса. Вне такого подхода экономика обречена на неизбежные потери, вызванные искаженной информацией о реальной экономике страны. Последствия этого могут быть столь значительны, что отбросят экономику страны на десятилетие назад.

Таким образом, **исследуя экономическую систему государства, мы неизбежно «обречены» на «положительный синтез» теоретического, социально-экономического, неоклассического и институционального подходов.** Выводы, которые могут быть сделаны без учета специфики данных направлений ведут к односторонности рекомендаций и практических действий.

Различные направления современной экономической науки по-разному интерпретируют роль страновых особенностей и, что особенно важно, имеют свои пределы в исследовании национальной экономики. С этой точки зрения *социально-экономическая теория как особое направление современной науки должна служить исходной базой для определения экономической системы государства.* На чем основывается данный вывод? Разве в курсах

микроэкономики и макроэкономики не анализируются особенности естественных монополий, безработицы и инфляции? Ответ на данные вопросы связан с проанализированными ранее особенностями данного научного направления. Будучи неразрывно связанным с методологией индивидуализма, неоклассика и неонституционализм сводят проблему экономических решений, в конечном счете, к проблеме индивидуального выбора. Исходным объектом для них является не вся экономическая система, а познание процессов, происходящих в государстве через особенности поведения и действий отдельных субъектов экономики. Тот анализ экономических процессов, который проводится микроэкономикой и макроэкономикой, является адекватным для рыночной системы и ставит естественные ограничения для границ неоклассического подхода при анализе национальной экономики. Если страна представляет собой неразвитую рыночную структуру, то тогда неизбежно последняя не будет воспринимать «рецепты» иной системы. Сторонники неоклассического подхода не случайно отказывают в праве экономической науке на сам термин «национальная экономика».¹

Однако, на практике и в теории это, казалось бы, элементарная предпосылка научного анализа отбрасывается, а в экономической политике к различным странам настойчиво применяются одни и те же формы и методы политики без учета особенностей страны. К сожалению, это стало практикой последних десятилетий, что наиболее ярко проявилось в провале стабилизационных программ в Латинской Америке и в ходе реформирования 1990-х гг. на постсоветском пространстве. Критический анализ этого этапа преобразований на постсоветском пространстве, дискуссия в отечественной и мировой литературе о причинах провала реформ в России, переосмысление ряда теоретических постулатов «мейнстрима» под влиянием этих событий показывают, что в основе таких рекомендаций лежали теоретические схемы одного направления современной экономической теории – неоклассического в единстве с новым институционализмом. Это доказано в ряде исследований и отражено в дискуссиях конца 1990-х гг.²

¹ В современных образовательных стандартах по экономике дисциплина «национальная экономика» исключена из примерного перечня дисциплин вариативной части учебного плана и из учебных планов ряда ведущих университетов России. В результате подготовка специалистов на базе курсов микро- и макроэкономики приводит к одностороннему знанию экономики и явно недостаточному пониманию процессов, происходящих в экономике своей страны – России. Это особенно недопустимо в связи с тем, что еще продолжается процесс становления новой экономической системы страны.

² Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? // Вопросы экономики. 1999. № 7; Полтерович В.М. Элементы теории реформ – М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 2007; Некипелов А. Вперед от либерализма. – Коммерсант. – 1999. 19 февр.; Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков//Вопросы экономики. 1999. № 11.

Неоклассические теории не могли сработать автоматически в странах, которые на начальном этапе развития не имели вообще рыночной системы. Применение рекомендаций Вашингтонского консенсуса в данных условиях не могло не привести к разрушительным последствиям для экономики стран, которые следовали этим рецептам.

Не менее важное значение имеет то обстоятельство, что в рамках национальной экономической системы функционируют различные типы форм хозяйствования и каждая из них требует учета особенностей экономического уклада и в экономической системе страны в целом. Следовательно, *анализируя экономическую систему страны, мы неизбежно должны сопоставить выводы различных направлений, избрать области экономики, в которых наиболее эффективно то или иное направление и лишь затем имеется возможность оценить реалистично общие тенденции экономики, ее реальное состояние и найти пути решения сложных и запутанных, как обычно, проблем.*

Концепция «положительного синтеза» ценна тем, что она ориентирует на совместный анализ различных направлений науки и научных школ на основе уважения к научным системам, которые сложились в мировой науке. Высокий профессионализм, гражданская честность и ответственность, забота о благе своей страны ученых-исследователей являются, безусловно, предпосылкой успешности осуществления «положительного синтеза».
